

Северный Кавказ: зарубежный субъект Российской Федерации?

АЛЕКСЕЙ МАЛАШЕНКО

РЕЗЮМЕ

- Специфическая форма взаимоотношений Северного Кавказа и Российской Федерации заключается в том, что, хотя экономически и политически регион остается частью России, внутренняя обстановка там все более регулируется местными традициями.
- Ни один из полномочных представителей президента в регионе не имел полноценной возможности контролировать местные элиты, а попытки использовать подчиненные непосредственно Центру структуры наталкивались на сопротивление.
- Обстановка в Чечне по сути зависит только от двух человек — Владимира Путина и Рамзана Кадырова, и выход из политического поля одного из них чреват непредсказуемыми последствиями как для Чечни, так и для России.
- Несовпадение исламского и российского гражданского векторов идентичности и слабость второго относительно первого способствуют цивилизационному дрейфу Северного Кавказа от России.

Северный Кавказ занимает в России особое положение. Регион создает для нее множество проблем, ключ к разрешению которых до сих пор не найден. Однако и сама Россия (точнее, федеральный Центр) повинна во многих кавказских бедах. Взаимные претензии — справедливые и нет — приводят к взаимному недовольству. На Северном Кавказе полагают, что главная причина несчастий кроется в неправильной политике Москвы в регионе; в российском же обществе многие уверены, что регион предпочитает жить по своим внутренним законам, но за счет остальной страны, что он в принципе чужд России, превратился во «внутреннее зарубежье», и единственным выходом является его

отделение. Насколько справедливы такого рода суждения, есть ли выход из сложившегося кризиса?

Прежде чем попытаться вникнуть в сложившуюся острую ситуацию, имеет смысл констатировать те очевидные обстоятельства, которые дают основания говорить, что Северный Кавказ безусловно является частью Российской Федерации.

Во-первых, регион де-юре входит в состав России. Внешние рубежи северокавказских республик являются государственной границей страны.

Во-вторых, в нем, пусть в значительной степени формально, присутствуют федеральные институты, действуют российские

Алексей Всеволодович Малашенко — доктор исторических наук, член научного совета Московского Центра Карнеги, сопредседатель программы «Религия, общество и безопасность».

законы, проходят выборы разных уровней, он является частью политической системы страны; там формально действуют российские Конституция и законодательство.

Экономика северокавказских республик — не просто элемент экономики России с единой валютой, но они еще и дотационны (дотации из федерального бюджета составляют для Ингушетии и Чечни 100% местного бюджета, для Дагестана — 80%), что делает регион полностью экономически зависимым от Центра.

В-третьих, в официальной политике вопрос о возможном «исключении» Северного Кавказа из состава России не стоит.

В-четвертых, подавляющее большинство кавказцев против выхода из состава России — сепаратизм в регионе весьма непопулярен.

В-пятых, принадлежность Северного Кавказа к России не ставится под сомнение мировым сообществом.

Так почему же, несмотря на все это, о нем заговорили как о «внутреннем зарубежье» (или «эксклаве»¹), насколько правомерно использовать применительно к нему данное понятие? Образующие его слова имеют свою динамику. «Внутреннее» отражает неоспоримую принадлежность Северного Кавказа к России, а «зарубежье» ставит это под сомнение. Их соотношение подвижно, а толкование термина зависит от субъективной точки зрения того, кто им пользуется. Главный вопрос состоит в том, что является доминирующей тенденцией — укрепление принадлежности Северного Кавказа к России или, напротив, нарастание его отчужденности от страны и общества.

Уже одно то, что политики и эксперты обращаются к термину «внутреннее зарубежье», свидетельствует о постоянных трудностях, вот уже двадцать лет испытываемых Центром на кавказском направлении, о низкой управляемости регионом, о его обособленности, а также о восприятии его в российском обществе как чуждого и даже враждебного для России социума. Приблизительно 60% россиян выступают за отделение региона от России. По данным опросов, в декабре 2010 г. после националистических манифестаций в Москве и еще десятке городов России (спровоцированных убийством выходцем с Кавказа болельщика самого популярного в стране футбольного клуба «Спартак») за отделение трех северокавказских республик — Чечни,

Дагестана и Ингушетии — выступило свыше 70% россиян².

Выскажу предположение, что проблема внутреннего зарубежья возникла задолго до распада СССР и даже до его образования. Появление внутреннего зарубежья как феномена можно датировать XIX в., когда к Российской империи были присоединены Кавказ и Центральная Азия, которые, став частью экономического и политического пространства державы, сохранили внутренние отношения в обществе, основанные на своих социокультурных и этнорелигиозных традициях. Тогдашним внутренним зарубежьем можно считать являвшиеся протекторатами Российской империи Хивинское и Бухарское ханства, а также Кавказ. В каком-то смысле внутренним зарубежьем были «европейские анклав» России — Польша и особенно Финляндия, законы которой, между прочим, позволяли социал-демократам скрываться на ее территории от преследований полиции.

Трансформация внутреннего зарубежья в полноценную часть страны — длительный и противоречивый процесс. К моменту революции 1917 г. он не был завершен. В этом одна из причин той легкости, с которой после распада Российской империи регионалистские и этноцентристские тенденции превращали (разумеется, с зарубежной помощью) внутреннее зарубежье в просто зарубежье. Возникли и недолгое время просуществовали Республика горцев Кавказа, Горская республика, Бухарская и Хивинская народные республики. Временную независимость обрели балтийские республики. Навсегда ушли Польша и Финляндия. В 20—22 гг. прошлого века существовала Дальневосточная республика — искусственный буфер между Советской Россией и Японией, фактически бывшая частью РСФСР. В ней, однако, начали складываться собственные национальные интересы. В ДВР можно найти некие черты сходства с нынешним российским Дальним Востоком, экономически тяготеющим к Китаю и Японии. Новые государственные образования вскоре по большей части были возвращены в состав СССР и вновь перешли на неформальное положение «внутреннего зарубежья», где, как и в дореволюционные времена, дозволялось соблюдать местные традиции и образ жизни (в каком-то смысле

это может быть уподоблено специфическому гражданскому обществу).

К внутреннему зарубежью можно отнести республики Прибалтики (после 1940 г.), которые вопреки советизации сохраняли европейскую идентичность и воспринимались как «советское зарубежье».

Российская империя и Советский Союз (вплоть до 1970-х годов), находясь на подъеме, осуществляли реальную модернизацию, утверждали единые общественные ценности, проводили успешную образовательную политику. Отчужденность окраин постепенно преодолевалась, и они втягивались в экономический и политический оборот. Требуя от их населения лояльности, власть разрешала им в частной жизни следовать своим обычаям. Высокопоставленный чиновник и один из идеологов Русской православной церкви Всеволод Чаплин отмечает, что «...Российская империя всегда придерживалась трех принципов. В рамках единого государства людям давали жить по своей вере и традиции — хоть с четырьмя женами, хоть с шариатскими судами, хоть на основе клановой системы»³. При советской власти можно было иметь партбилет, одновременно оставаясь скрытым мусульманином. Шло формирование баланса между своим и «чужим» (в мусульманской среде случались «двойные» — официальные и по религиозному обряду — похороны). Иногда власть пыталась поставить чужое на службу своему: так, в 1920-е годы на Северном Кавказе возник так называемый «красный шариатизм», сторонники которого давали богословскую интерпретацию большевистским реформам. Как отмечает политолог Николай Медведев, в этом регионе «царские, советские и российские законы всегда действовали в специфическом виде и исполнялись, если принципиально не противоречили нормам обычного права (адата)»⁴. При всем том приоритетность общесоюзного законодательства никем никак не оспаривалась. Закон можно было обмануть, но невозможно, как это бывает сейчас, открыто не выполнять его требования.

«Зарубежность» окраин казалась переходящей. Их обитатели жили ожиданиями позитивных перемен, верили в силу советской власти. В те времена в сознании националь-

ных меньшинств (которые в Центральной Азии и на Кавказе были большинством) формировалось чувство гордости за принадлежность к великой державе. Затянувшееся почти до 1941 г. чеченское «сепаратистско-освободительное» движение было скорее исключением.

Уже одно то, что политики и эксперты обращаются к термину «внутреннее зарубежье», свидетельствует о постоянных трудностях, вот уже двадцать лет испытываемых Центром на кавказском направлении, о низкой управляемости регионом, о его обособленности, а также о восприятии его в российском обществе как чуждого и даже враждебного для России социума.

Сомнение в прочности советской власти возникло, однако, во время Второй мировой войны, когда, рассчитывая с помощью Германии избавиться от большевиков и создать свои национальные государственные образования, на сторону немцев переходили сотни тысяч украинцев, жителей Кавказа, выходцев из Средней Азии.

Но здесь есть и парадокс: зарубежьем, уже политическим по отношению к советской власти, посчитали себя не только национальные меньшинства, но и миллионы русских. На протяжении всей войны лишь в германских силовых структурах прошли службу от 1,3 до 1,5 млн советских граждан разных национальностей — большинство добровольно⁵. Что же говорить о числе тех, кто относился к оккупационной власти просто лояльно!

С распадом в 1991 г. СССР ситуация принципиально изменилась. Республики Средней Азии и Южного Кавказа, которые были «на века» встроены в Советский Союз и в то же время могли ассоциироваться с внутренним зарубежьем, внезапно оказались иностранными государствами. Именно для них и был изобретен новый особый термин — «ближнее зарубежье», который можно рассматривать как следующий шаг по отношению к «внутреннему зарубежью». Это послужило сигналом для сепаратистов, чтобы добиваться сначала особого статуса

внутри России, а затем получить возможность перейти в разряд зарубежья, пусть и близкого. Иными словами, сначала стать «внутренним», а затем, при благоприятных обстоятельствах, ближним зарубежьем. Показательно, что ныне термин «ближнее зарубежье» необратимо утрачивает свой смысл, превращаясь в «полноценную границу».

В России наступила эпоха парада суверенитетов, когда элиты бывших автономных республик стремились получить от федерального Центра максимум полномочий, принимали свои конституции, формировали парламенты, создавали прочие атрибуты государственности — гербы, флаги и т. п. В 1994 г. грянула война с сепаратистской Ичкерией, которая фактически преврати-

мистские группировки. Число терактов возросло на 100%. Количество посягательств на жизнь сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих, по словам заместителя генерального прокурора Ивана Сыдорука, выросло на 11% и достигло 529. При этом в 2010 г. было убито более 300 боевиков, в том числе 16 лидеров вооруженного подполья, было задержано 298 боевиков и их пособников, предотвращено 58 терактов. По данным начальника Главного управления МВД по Северо-Кавказскому федеральному округу Сергея Ченчика, за 2010 г. силовики провели 61 контртеррористическую операцию, в результате был убит 351 боевик, в том числе 32 лидера вооруженного подполья, а задержаны по подозрению в причастности к боевикам 453 человека⁶.

Полномочный представитель президента на Северном Кавказе Александр Хлопонин в сентябре 2011 г. сказал, что в регионе действует тысяча боевиков (на самом деле значительно больше). «Их убивают, — отметил он, — а они пополняют свои ряды... средний же возраст боевиков составляет 18 лет»⁷. В боевых действиях участвует второе и даже третье поколение исламистов. В регионе идет латентная гражданская война, у которой свои законы. Все это вместе взятое также превращает Северный Кавказ в особую, принципиально отличающуюся от остальной России «зону».

Второй фактор нестабильности — недоверие местного населения к федеральной власти, неверие в ее желание и способность качественно улучшить положение в регионе. Постоянно присутствует раздражение против силовых структур, сотрудники которых часто нарушают законы, применяют пытки к подозреваемым, требуют выкуп с их родственников, берут в заложники членов их семей.

Третий фактор — беспомощность и бездействие российского законодательства, делающего его легитимность на Северном Кавказе в значительной степени условной.

Добиваясь лояльности от местных правящих элит, Центр переводит в республики региона колоссальные средства. Помимо трансфертов, исчисляемых десятками миллиардов рублей, Москва финансирует рассчитанную до 2020 г. программу развития, в которой

Полностью контролировать использование направляемых на Северный Кавказ денег Центр не в состоянии. Какая доля выделяемых Москвой средств используется не по назначению и оказывается в карманах местных чиновников, сказать невозможно. По некоторым данным, она составляет 30% и более.

лась в независимое квазигосударство. Шедшая с перерывом до 2003 г. чеченская война, осетино-ингушский конфликт 1992 г., грузино-абхазская война 1992—1993 гг., вторжение в Дагестан отрядов Шамиля Басаева в 1999 г., а также формирование радикального исламского политического движения — все это вместе взятое разбалансировало ситуацию в Северокавказском регионе, до крайности затруднило управление им из Центра.

Сегодня положение на Северном Кавказе в целом определяется как «стабильная нестабильность». Конечно, ее степень в разных частях региона различна. На востоке — в Дагестане, Ингушетии и Чечне — она выше, чем на западе. Однако в целом уровень нестабильности возрастает и в соседних республиках, прежде всего в Кабардино-Балкарии. Нестабильность определяется несколькими факторами. Первый — наличие религиозно-политической оппозиции. В 2010 г. резко активизировались экстре-

федеральные средства составляют 2,7 трлн руб. (плюс 2,8 трлн частных инвестиций)⁸. Полностью контролировать использование этих денег Центр не в состоянии. Какая доля выделяемых Москвой средств используется не по назначению и оказывается в карманах местных чиновников, сказать невозможно. По некоторым данным, она составляет 30% и более. В 2010 г. на региональной конференции «Единой России» в Пятигорске депутат Ставропольской городской думы Ольга Тимофеева, обращаясь к Владимиру Путину, прямо заявила, что половина денег, поступающих на обустройство Северного Кавказа, «опять будет разворована»⁹. О бесконтрольности расходования средств на Северном Кавказе можно судить по «изящному» ответу Рамзана Кадырова на вопрос: «Кто финансирует Чечню?». «Аллах дает. Не знаю. Откуда-то берутся деньги», — сказал чеченский лидер¹⁰.

Федеральный Центр выстраивает отношения с местными элитами не через институты, но исходя из персональных симпатий и предпочтений. Это привязывает северокавказских чиновников включая президентов к конкретным московским политикам, но в то же время предполагает безответственные «импровизации», противозаконные поступки, за которые они не несут ответственности. Яркий пример — отношения между Рамзаном Кадыровым и премьером Путиным. Выход из политического поля одного из них чреват непредсказуемыми последствиями как для Чечни, так и для России (Кадырову принадлежат слова, что Путин должен оставаться президентом России пожизненно). Вот почему положение в Чечне, несмотря на внешнюю стабильность, можно считать хрупким: по сути оно зависит только от двух человек. Можно представить, с каким восторгом было воспринято в Грозном сообщение о выдвижении на съезде «Единой России» Путина на новый президентский срок.

Любопытно, что такой тип взаимодействия напоминает предложенную еще в самом начале 2000-х годов первым вице-премьером Ичкерии (в 1996—1997 гг.) Хож-Ахмедом Нухаевым модель отношений между Россией и Чечней (Нох-чи): «Президент РФ в договоре о мире и партнерстве с Нох-чи должен выступить не как глава государ-

ства, а как доверенное лицо, лидер народов, составляющих полиэтничное общество россиян, и данное им от имени этого народа слово, его истинность подтвердить своей клятвой на Библии, в то время как Лидер чеченской нации истинность слова, данного им от имени Нох-чи, подтвердит клятвой на Коране». Свидетелем же такого договора будет Единый Бог¹¹. Здесь, с одной стороны, имеет место априорный консенсус о единстве, вечной включенности Чечни в состав России, с другой — о широчайшей автономии, почти независимости чеченского государства.

Одно время в российском истеблишменте шли разговоры о возможности (и даже необходимости) частичного восстановления советской системы управления «национальными регионами», когда при их главе (в то время это был первый секретарь республиканского или областного комитета КПСС) состоял второй секретарь, русский, выполнявший роль наблюдателя и контролера над деятельностью местной администрации. Ныне эти функции в какой-то степени возложены на полномочного представителя президента в созданном в 2009 г. Северо-Кавказском федеральном округе, а ранее — на спецпредставителей в Южном федеральном округе. Однако ни один из них не имел и не имеет полноценной возможности контролировать местные элиты. Московские эмиссары могли только наблюдать за происходящим. Так, бывший в 2004—2007 гг. полпредом президента в Южном округе Дмитрий Козак из-за противодействия высшей местной номенклатуры не сумел поставить под контроль финансовые поступления из Центра¹², хотя и пытался это сделать, и в конце концов был вынужден оставить свой пост.

Попытки использовать подчиненные непосредственно Центру структуры наталкиваются на сопротивление местных властей. Показательный случай — выдворение в 2007 г. из Чечни Рамзаном Кадыровым Оперативно-розыскного бюро (ОРБ-2). В Дагестане в 2009 г. было отказано в назначении на пост главы местного управления Федеральной налоговой службы Владимиру Радченко, в Ингушетии в 2010 г. Юнус-бек Евкуров не согласился с переназначением на должность председателя Верховного суда республики Михаила Задворнова. У каждого такого со-

бытия может быть своя конкретная подоплека, но в целом в них отражена неспособность Москвы отстаивать своих назначенцев.

Нет достаточного ресурса влияния у нынешнего полпреда Александра Хлопонина, на которого возложены функции менеджера (по-советски — хозяйственника) без серьезных политических полномочий и которого можно назвать транслятором мнения высшего руководства.

На Северном Кавказе в значительной мере утрачено уважение к федеральной власти. Одной из главных причин такого положения вещей является тотальная системная коррупция, в которой тесно переплелись интересы московских и северокавказских политиков и чиновников: и те и другие — партнеры по общим коррупционным схемам и «откатам». Это ведет к исчезновению той психологической дистанции, которая существовала между Центром (начальством) и периферией (подчиненными).

Вне подчинения местным политикам находятся силовые структуры, которые управляются из Центра. Но силовики-федералы непосредственно не вмешиваются во внутренние проблемы кавказских элит, которые, в свою очередь, не могут влиять на их деятельность, сосредоточенную на борьбе с радикальной оппозицией.

Своего рода компенсацией слабости Москвы можно считать то, что большинство глав северокавказских субъектов, получив образование и первичный профессиональный, а также политический опыт, выстроив бизнес за пределами региона, инкорпорированы в общероссийский политический и бизнес-класс. Таковы, например, окончивший Академию Генерального штаба бывший заместитель начальника Разведывательного управления Приволжско-Уральского военного округа президент Ингушетии Юнус-бек Евкуров, выпускник Торгово-экономического института им. Г. В. Плеханова, долгое время работавший в Москве бизнесмен-миллиардер президент Кабардино-Балкарии Арсен Каноков, выпускник Саратовского юридического института, бывший член Верховного суда России, бывший президент Карачаево-Черкесии Борис Эбзеев (схожий путь прошли представители предыдущей плеяды по-

литиков — бывшие президенты Ингушетии генералы Руслан Аушев и Мурат Зязиков, глава сепаратистской Чеченской Республики Ичкерия, также генерал Джохар Дудаев). Однако, становясь лидерами у себя на родине, они «окукливаются», встраиваются в систему традиционных связей, реанимируют свою этническую, клановую принадлежность и начинают вести игру по двойным стандартам — федеральным и местным, причем местный фактор становится все более значимым. В феврале 2011 г. на заседании президиума Государственного совета президент Дмитрий Медведев отметил, что во многих республиках на работу принимают по национальному признаку, подчеркнув, что «это абсолютно ненормальная ситуация»¹³. То же наблюдается и в других национальных субъектах Федерации, а заодно и в странах ближнего зарубежья, где представители русского меньшинства (порой значительного) представлены во власти крайне слабо, а то и не представлены вовсе.

Беспомощность федерального руководства воспринимается на Северном Кавказе как слабость России, бывшей великой державы, которая проиграла состязание Западу и испытывает дискомфорт и даже страх перед исламским миром. Эта слабость становится в глазах кавказских мусульман еще более очевидной ввиду неспособности Москвы подавить с помощью силовых методов исламистскую оппозицию. Да и чеченские войны, которые многими в регионе рассматривались как противостояние с мусульманским миром, завершились не безусловной победой федеральных сил, а политическим компромиссом, приходом к власти сепаратистов-прагматиков, что также свидетельствует об ограниченных возможностях России.

Отношения между Северным Кавказом и федеральным Центром в известном смысле могут быть уподоблены отношениям между патроном и клиентом, которые выстраиваются на базе личных обязательств, на договорной основе. В то же время присутствие подконтрольных Москве силовых структур ассоциируется с колониальным правлением. Таким образом, система управления в регионе представляется внутренне противоречивым, далеким от совершенства нестабильным гибридом.

На Северном Кавказе происходит демодернизация, которая затрагивает все стороны жизни общества. Речь не идет о полном экономическом крахе. В регионе функционирует аграрный сектор, развита торговля, существуют пищевая промышленность, производство стройматериалов. Однако все эти отрасли вписываются в традиционные уклады и не ведут к принципиальным изменениям отношений в обществе. Зато в экономике практически отсутствует современный сектор, нет возможностей для применения передовых технологий, не готовятся соответствующие кадры.

В тяжелом положении находится система среднего и высшего образования, что связано среди прочего с общим снижением уровня преподавания.

Продолжается отток русского населения. Только с 1989 по 1999 гг. численность русских в северокавказских республиках сократилась на 342,5 тыс. В Чечне и Ингушетии доля русских приближается к нулю. В Дагестане она уменьшилась с 9,2% в 1989 г. до 4,7% в 2001-м. г. По замечанию этнолога Валерия Тишкова, это еще более осложняет решение северокавказских проблем. «Очень трудно представить себе, — замечает он, — что занятое сегодня в “рыночной экономике” население титульных национальностей... имеющее каждый день “живой рубль”, может быть переориентировано когда-либо в производственные отрасли экономик своих республик»¹⁴.

Падает уровень владения русским языком, что, в свою очередь, ведет к еще большей культурной изолированности региона.

Нарастает процесс архаизации общества. Общая фрустрация, неверие в способность Центра переломить кризисную ситуацию заставляет людей апеллировать к традиционным исламским этнокультурным ценностям. Идущие от кавказской традиции — адата и шариата — нормативы превалируют в сознании людей, переформируют их индивидуальное поведение и социализацию.

Адат и шариат существенно отличаются друг от друга. В адате нет столь суровых запретов, как в шариате, он не претендует на решение масштабных вопросов, например, государственного строительства, не вмешивается в экономику и политику, а сосредото-

чен на морали и этике. Ислам же, самая обмирщенная из монотеистических религий, предлагает решение не только вопросов личной жизни человека, но в первую очередь общественно-политических проблем. Обе традиции, то переплетаясь, то вступая в противоречия, действуют в одном направлении — восстановления традиционных основ, что якобы должно устранить неста-

Утрата уважения к федеральной власти на Северном Кавказе в значительной мере обусловлена тотальной системной коррупцией, в которой тесно переплелись интересы московских и северокавказских политиков и чиновников: и те и другие — партнеры по общим коррупционным схемам и «откатам».

бильность, вернуть социальную гармонию, преодолеть кризис идентичности. И в этом контексте приоритет принадлежит исламу.

На рубеже XX и XXI вв. на Северном Кавказе сформировались две точки зрения на перспективы установления в регионе исламского порядка. Одна, оппозиционная, исламистская, предполагает создание независимого исламского государства, другая — организацию общества на исламской основе, но при этом в составе России. Первая представлена радикальным крылом исламистской оппозиции, вторая — лояльным властью духовенством, которое поддерживается значительной частью общества.

Инкорпорированность в общественное сознание идеи о необходимости обращения к шариату становится все глубже. Особенно это характерно для Дагестана, Чечни и Ингушетии, а с середины 2000-х годов — и для Кабардино-Балкарии. В последние годы призывы к восстановлению исламских норм раздаются в Карачаево-Черкесии, Адыгее, среди мусульманской общины Северной Осетии, составляющей 30% населения республики. До недавнего времени это происходило относительно спокойно, без особых эксцессов и, по словам исламоведа Ахмеда Ярлыкапова, было «мягкой исламизацией». В 2009—2011 гг. ситуация обострилась: произошло несколько убийств лояльных

властям представителей духовенства, общественных деятелей, выступавших против исламизации; в мае 2011 г. в Северной Осетии за поддержку радикальных настроений, а также за критику духовенства был отправлен в отставку местный муфтий, этнический русский Али-хаджи Ефтеев.

Конкурируя со светским законодательством, шариат обладает тем преимуществом, что с точки зрения мусульман он является богоданным, а значит, абсолютным законом, даже если его интерпретации могут различаться между собой. При этом на единственно верную трактовку шариата претендуют представители всех направлений в исламе.

Часть молодежи наиболее восприимчива к исламской индоктринации. Воспитанное в советских традициях, не привыкшее соблюдать религиозные запреты старшее поколение относится к шариатизации скептически, а порой с неприязнью. В этом кроется причина конфликта между поколениями, который уже начался, о чем местные политики и духовные деятели предпочитают умалчивать.

Конкретными результатами шариатизации стали рост количества религиозных судов (их в регионе уже многие сотни), восстановление и легализация системы вакуффов (имущество, в том числе земельное, переданное в собственность мечетей), введение в отдельных районах Чечни, Ингушетии, Дагестана запретов на продажу алкоголя, запрет на игорный бизнес (в Дагестане), запрет выступлений эстрадных артистов, чья манера исполнения противоречит нормам ислама, введение дресс-кода для женщин, открытое распространение полигамии (особенно среди бизнесменов и чиновников). По всем перечисленным пунктам мнения салафитов и сторонников традиционного ислама практически совпадают.

Популяризацией шариата заняты СМИ, в том числе электронные, что особенно характерно для Чечни, где велико количество религиозных передач, транслируемых местной государственной телерадиокомпанией.

Приверженцами шариата являются преимущественно молодые люди, родившиеся и возмужавшие уже после распада СССР, не получившие качественного светского образования, зато прошедшие обучение в медресе и исламских вузах, в том числе в арабских странах, выросшие в условиях постоянного конфликта, принимавшие участие в чеченских войнах. Эта часть молодежи наиболее восприимчива к исламской индоктринации. С другой стороны, воспитанное в советских традициях, не привыкшее соблюдать религиозные запреты старшее поколение относится к шариатизации скептически, а порой с неприязнью. В этом кроется причина конфликта между поколениями, который уже начался, о чем местные политики и духовные деятели предпочитают умалчивать.

Северокавказская идентичность складывается из трех векторов — гражданского российского, этнического и религиозного (исламского). Эти векторы могут как совпадать, так и действовать в разных направлениях. Все чаще имеет место разнонаправленность и даже противостояние исламского и гражданского векторов. Гражданская идентичность более не создает у кавказцев ощущения представителей великой державы, тогда как самоидентификация в качестве членов великой полутора миллиардной мусульманской уммы возвышает их в собственных глазах. Исламский вектор идентичности выглядит внушительнее, позволяет преодолеть комплекс «младшего брата», который был присущ этноконфессиональным меньшинствам в советское время. Исламские ценностные нормативы актуализируются, способствуя маргинализации ценностей общегражданских. Несовпадение же исламского и российского гражданского векторов идентичности способствует культурному или, если угодно, цивилизационному дрейфу Северного Кавказа от России.

Не только представители мусульманского духовенства являются проводниками исламизации. Ее также инициируют и поддерживают некоторые светские политики; это особенно характерно для Рамзана Кадырова, который апеллирует к исламу во имя укрепления собственной власти. На состоявшемся в 2008 г. в Грозном республиканском научно-практическом семинаре

«Ислам в Чечне: история и современность» отмечалось, что «ислам становится одним из легитимных факторов общественной и политической жизни ЧР»¹⁵. Кадыров берет под контроль мечети, и они делаются одним из главных институтов надзора над обществом, в первую очередь над молодежью. В 2008 г. на республиканском совещании кадиев муфтий Чечни Султан Мирзаев предложил ежеквартально проводить образовательные религиозные семинары в средних школах¹⁶ (это весьма напоминает деятельность Русской православной церкви по внедрению в светское обучение «основ православия»). Нельзя исключать, что именно желание чеченских властей регламентировать жизнь молодежи на религиозной основе в 2011 г. вызвало замечание Александра Хлопонина о том, что «молодые люди испытывают недостаток свободы и хотят развиваться более динамично»¹⁷ (это замечание породило немало противоречивых комментариев, хотя сам Кадыров отнесся к нему вполне терпимо).

Кадыров требует соблюдения шариатских норм поведения, добивается, чтобы женщины носили соответствующую исламской традиции одежду. В 2010 г. в первые дни мусульманского поста представители муфтията в центре Грозного подходили к женщинам, стыдили их за нескромность в одежде. Кадыров поддерживает полигамию, он предложил ввести специальные «мусульманские брачные свидетельства», которые должны быть удостоверяемы личной подписью имама. В сентябре 2011 г. Кадыров привез в Чечню исламские реликвии — чашу пророка Мухаммада и два одеяла, в свое время покрывавшие его могилу, возведя их демонстрацию согражданам на уровень государственного события (стоит заметить, что оппонент Кадырова, загадочно убитый в Москве депутат Госдумы Руслан Ямадаев говорил, что Кадыров строит шариатское государство).

Собственно кавказская этнокультурная традиция — адаты — выражена не столь агрессивно, как наступление ислама. Но обращение к ним также есть не что иное, как поиск альтернативных федеральным более эффективных институтов и инструментов для стабилизации общества. На то же, например, направлен и призыв создать совре-

менную «горскую идеологию», с помощью которой кавказцы могут осознать нынешние реалии и совместить их с традиционными нормами поведения и морали¹⁸.

В Ингушетии Юнус-бек Евкуров пытается возродить систему тейпов (разновидность кланов), он даже считает, что с их помощью можно сохранять памятники национальной культуры, знаменитые ингушские сторожевые башни. В Чечне возродилась система вирдов — малых суфийских братств, к одному из которых (Кунта-хаджи) принадлежит род Кадыровых. Повсеместно воссоздаются советы старейшин. В 2011 г. с такой инициативой выступил Арсен Каноков, считающий, что эти органы могут воспитывать молодежь, отговаривать ее от перехода к радикалам. Правда, сегодня этот институт не пользуется большой популярностью: за последние двадцать лет влияние старейшин заметно ослабло.

Проявлением архаизации стал возврат к такой традиции, как кровная месть. При неэффективности современной системы судопроизводства кровная месть, с одной стороны, становится специфическим регулятором отношений между социумами (семьями, родами), с другой, однако, поддерживает вражду между участниками оппозиции и представителями силовых структур: убийство оппозиционера полицейским влечет убийство самого полицейского (его родственника). В силу семейной, родовой солидарности и коллективной ответственности за гибель близкого человека взаимные отмищения становятся бесконечными. Рамзан Кадыров и Юнус-бек Евкуров неоднократно утверждали, что им удавалось примирить «кровников», но делали они это не как государственные чиновники, а как уважаемые, пользующиеся неформальным авторитетом люди. В то же время перед такого рода конфликтами официальная власть нередко оказывается беспомощной. И уж, конечно, они представляются специфическим маркером региона, символом его кардинального отличия от остальной России.

В сознании российского общества неприязнь к Северному Кавказу нарастает. Раздражение вызывают не только внутренние местные конфликты, религиозный экстремизм, терроризм, но и все более — миграция

из этого региона. С одной стороны, такое недовольство можно понять, с другой — проблема обостряется из-за отсутствия в России нормальной миграционной политики.

Точные данные о количестве проживающих в России выходцев с Северного Кавказа отсутствуют. В частности, нет данных о мигрантах-кавказцах в Москве¹⁹, Санкт-Петербурге, городах Поволжья, Краснодарском и Ставропольском краях, Ростовской, Астраханской, Оренбургской областях, в Башкирии, где их присутствие заметно, так сказать, визуально.

Негативное отношение к кавказцам является характерным проявлением неприязни к чужакам, которые отличаются манерой поведения, религией, внутренней общинной сплоченностью, внешностью, темпераментом, что вполне объяснимо по отношению к человеку, оказавшемуся в чужой среде. К тому же кавказцы экономически активны, целеустремленно налаживают собственный бизнес, скупают недвижимость, зачастую одерживая верх в экономической конкуренции с коренными жителями.

Большинство мигрантов с Северного Кавказа ведет себя законопослушно. Однако людям свойственно судить о поведении приезжих по негативным поступкам, которые остаются в памяти. По мнению российских этнологов, «предположение о якобы имеющейся культурной несовместимости славянского большинства и неславянских меньшинств нелепо»²⁰. Однако и негативная информация о кавказцах зачастую имеет под собой реальную почву. Они все чаще пытаются продемонстрировать свои этнокультурные традиции и право на особое поведение в эпатажной форме. Ночные лезгинки на центральных площадях Пятигорска, Кисловодска, Ставрополя в 2010 г. действительно имели место, равно как и блокировавший движение «кавказский кортеж» на московском Садовом кольце в 2009 г. В том же году чеченцы устроили стрельбу в московском троллейбусе. В 2006 г. произошло приведшее к человеческим жертвам столкновение между чеченцами и местными жителями на севере страны в Кондопоге. И хотя поводом к нему послужила бытовая ссора, она вылилась в межэтническое столкновение. В 2010 г. в молодежном лагере Ту-

апсе произошла драка между приехавшими на отдых чеченцами и местной молодежью (во время драки чеченцы разорвали российский флаг). В 2010 г. в драке с кавказцами был убит болельщик московского «Спартака». Это убийство имело особенно сильный резонанс и привело к массовым манифестациям, в том числе в Москве на Манежной площади, куда пришли примерно 5 тыс. человек (для нынешней России число «протестантов» неслыханное). Несколько громких убийств произошло в 2011 г., за одно из них осужден чемпион мира по смешанным единоборствам дагестанец Расул Мирзаев. В России растет число преступлений, совершаемых мигрантами, в обществе обрел устойчивость термин «этническая преступность», с которым категорически не согласны представители Кавказа.

Во включенном в состав Северо-Кавказского федерального округа Ставропольском крае, где славянское население составляет свыше 80%, начат сбор подписей за выход из состава округа. Это связано с тем, что на территорию края хлынул поток уроженцев Северного Кавказа, что создает межэтническую напряженность и в течение неполного 2010 г. привело к четырехкратному росту преступности²¹. На Ставрополье, в других южных субъектах Федерации власти принимают разного рода меры по ограничению миграции, что, по их мнению, «вызвано необходимостью предотвратить открытые этнические конфликты», понизить уровень социальной напряженности²².

Свой вклад в создание образа «плохого кавказца» вносят СМИ, особенно печатные издания, в которых зачастую преобладают эмоции, а не объективность, а также популярная литература, прежде всего выходящие миллионными тиражами детективные серии «Антитеррор», «Спецназ», «Офицеры» и многие другие, в которых главным отрицательным персонажем, «исчадием зла» стал кавказец²³. Война на Кавказе — популярная тема песен, которые исполняются не только профессиональными певцами, но и одетыми в военную форму любителями возле станций метро и в вагонах пригородных поездов.

Конструирование негативного облика кавказца происходит под сильным воздействием националистов. Так, бывший депутат Госу-

дарственной думы Андрей Савельев призывает оказывать давление на народы, развитие которых «прямо вредит России и русским»²⁴. Кавказцы (чеченцев он вообще именуется «этнопаразитами»), по его мнению, едут в Россию, чтобы «приобрести богатство за счет местного населения и уехать обратно»²⁵.

Но, как бы то ни было, сложившийся в сознании населения стереотип «лица кавказской национальности» (сам термин пришел из милицейских протоколов) ассоциируется не с кавказскими учеными и деятелями искусства, а с бытовым хамством мигрантов, с участниками и провокаторами столкновений на межэтнической почве. Иногда высказывается мнение, что кавказофобия — некое спонтанное явление, следствие конкретных обстоятельств, которое постепенно ослабнет, а затем вообще исчезнет. К сожалению, это далеко не так. Наоборот, кавказофобия превратилась в устойчивый компонент массового сознания, порожденный общим системным кризисом на Северном Кавказе, преодолеть который в ближайшее десятилетие вряд ли удастся. И недооценивать ее воздействие на российское общество как фактор, стимулирующий националистические настроения, нельзя.

Понятие «внутреннее зарубежье» отражает реальности дрейфа Северного Кавказа от России. Конечно, он является частью России, вместе с ней ощущая все ее политические, социальные и экономические проблемы. Однако кавказское общество все более открыто функционирует в соответствии с традиционными нормативами — этнокультурными и исламскими. Федеральный контроль слабеет, в отдельных ситуациях становится номинальным, а российские законы недееспособны. Российская гражданская идентичность в плане динамики проигрывает идентичности исламской. Центр не в состоянии переломить сложившуюся ситуацию, контролировать бюджетные трансферы и фактически отдает регион на откуп местным элитам, выдвигая при этом лишь одно условие — лояльность. Северный Кавказ становится самоуправляемым, что, похоже, устраивает обе стороны. В российском обществе исключительное его положение воспринимается крайне негативно. Все большее неприятие вызывает кавказская миграция.

В конечном счете все это и дает основание для определения региона как «внутреннего зарубежья». Отсюда растущие призывы отделить его от России или как минимум от федерального бюджета (во второй половине 2011 г. в разных городах России прошли демонстрации именно под таким лозунгом). Эти тенденции продолжают нарастать, несмотря на попытки Москвы сформировать

Большинство мигрантов с Северного Кавказа ведет себя законопослушно. Однако людям свойственно судить о поведении приезжих по негативным поступкам, которые остаются в памяти. По мнению российских этнологов, предположение о якобы имеющейся культурной несовместимости славянского большинства и неславянских меньшинств нелепо.

новый курс и вновь «приблизить» Северный Кавказ к России.

Термин «внутреннее зарубежье» обоудно обиден: для Москвы, потому что в нем содержится обвинение ее в неспособности, неумении консолидировать всю страну, для большинства жителей Северного Кавказа — как констатация того, что они являются «туземцами», пасынками в своем государстве.

В конце первого — начале второго десятилетия XXI в. Северный Кавказ оказался в точке бифуркации. Проблема дихотомии российско-кавказских отношений остается нерешенной. Победа местного сепаратизма невозможна, как, впрочем, и «исключение» региона из состава России. Речь может идти о специфической форме взаимоотношений Северного Кавказа и Центра, при которой регион, оставаясь экономически и политически частью России, в ближайшей перспективе будет существовать достаточно автономно в плане самоорганизации общества и обустройства внутреннего социокультурного пространства. Живя частично согласно своим традициям, но соблюдая букву федеральных законов, Северный Кавказ может в конце концов стать органичным сегментом полиэтнической и поликонфессиональной страны. Однако это займет немало времени и потребует эффективных политических усилий. ■

Фонд Карнеги за Международный Мир со штаб-квартирой в Вашингтоне, США, является неправительственной, некоммерческой организацией, занимающейся независимыми исследованиями в общественно-политической области и содействующей международному сотрудничеству между странами. Московский Центр Карнеги был создан Фондом в 1993 г. с целью способствовать развитию в России и странах бывшего Советского Союза независимых общественно-политических исследований и улучшению отношений между Россией и Соединенными Штатами.

В 2007 г. было объявлено о «Новом видении» (New Vision) Фонда, который теперь позиционирует себя в качестве первой международной, а в перспективе глобальной научно-исследовательской организации. Помимо офисов в Вашингтоне и Москве созданы отделения Фонда в Пекине, Бейруте, Брюсселе. Московский Центр Карнеги с его почти пятнадцатилетним опытом проведения исследований и общественно-политических дискуссий служил образцом при разработке «Нового видения» и является моделью при преобразовании Фонда Карнеги в первую международную научно-исследовательскую организацию.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Сухов И.* Деньги дает Аллах // Моск. новости. — 2011. — 5 окт.
- ² Свыше 70% читателей «НР» выступают за отделение Кавказа от РФ // Новый регион. — 2010. — 24 дек.
- ³ *Протоиерей Всеволод Чаплин.* Трудные дороги Кавказа // НГ Религии. — 2010. — 17 нояб.
- ⁴ *Медведев Н.* Что мешает этнополитической стабильности на Северном Кавказе? // Политическая регионалистика и этнополитика. — М., 2010. — С. 9.
- ⁵ *Романько О. В.* Крым под пятой Гитлера: Немецкая оккупационная политика в Крыму (1941—1944). — М.: Вече, 2011. — С. 49.
- ⁶ BSNNews: Количество терактов на Северном Кавказе за год увеличилось вдвое // <http://www.blackseanews.net/read/6316>.
- ⁷ Росбалт. — 2011. — 30 сент.
- ⁸ *Черных А., Арипханов А., Нетреба П.* Националисты требуют отделения Кавказа от бюджета // Коммерсантъ. — 2011. — 29 сент.
- ⁹ *Ковалевская Л.* Путин на конференции в Кисловодске: в СКФО появится масштабный горнолыжный комплекс // Ставропол. правда. — 2010. — 9 июля.
- ¹⁰ Newsru.com. — 2011. — 5 окт.
- ¹¹ *Нухаев Х.-А.* Ведено или Вашингтон. — М.: Арктогея-центр, 2001. — С. 230.
- ¹² Стремясь избавиться от контроля, северокавказские политики прибегают к самым разным способам. Так, когда в мае 2007 г. в Грозный приехал Сергей Степашин, чтобы проверить целевое использование денег, Рамзан Кадыров наградил его орденом Ахмата Кадырова с бриллиантами (*Алленова О.* Завари потихоньку калитку // Коммерсантъ Власть. — 2007. — № 27 (731). — 18 июля).
- ¹³ *Тарасов С.* Национальные особенности кадровой политики // Рос. вести. — 2011. — 7—14 февр.
- ¹⁴ Русское население республик Северного Кавказа / Под ред. В. Тишкова // http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/kollektivn/puti_mira_russkoe_na.html.
- ¹⁵ Ислам в Чечне: история и современность. — [Б. м.], 2008. — С. 63.
- ¹⁶ Ан-Нур [Грозный]. — 2008. — 15 окт.
- ¹⁷ Кадыров: Вполне естественно, что Хлопонин высказывает мнение о молодежной политике в Чечне // Портал Южного региона. — 2011. — 12 сент. (<http://www.yuga.ru/news/2389546/?print=1>).
- ¹⁸ *Бабич И.* Поиски современной «горской идеологии» на Северном Кавказе // Кавказ и глобализация: Журн. соц.-полит. и экон. исследований. — 2006. — Т. 1 (1). — С. 154.
- ¹⁹ Попутно отмечу, что число проживающих в Москве мусульман колеблется от 600 тыс. до 2 млн, что само по себе является свидетельством отсутствия правдивой информации об этноконфессиональном составе населения столицы. Немногим лучше обстоят дела на этот счет и в других городах.
- ²⁰ *Малахов В.* Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. — М.: Новое лит. обозрение, 2007. — С. 101.
- ²¹ *Сухова С.* Что на выходе // Итоги. — 2010. — 18 окт. — С. 14.
- ²² *Хоперская Л.* Миграционные процессы и политическая ситуация на Северном Кавказе // Миграции на Кавказе. — Ереван, 2003. — С. 63.
- ²³ *Малашенко А.* Ислам для России / Моск. Центр Карнеги. — М.: РОССПЭН, 2008. С. 65—77.
- ²⁴ *Савельев А. Н.* Образ врага: Расология и политическая антропология. — М.: Белые альвы, 2007. — С. 290.
- ²⁵ *Савельев А. Н.* Время русской нации. — М.: Книжный мир, 2007. — С. 39.

В брифинге отражены личные взгляды автора, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

© Carnegie Endowment for International Peace, 2011

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

ФОНД КАРНЕГИ ЗА МЕЖДУНАРОДНЫЙ МИР

Россия, 125009, Москва, Тверская ул., 16/2
Тел.: +7 (495) 935-8904
Факс: +7 (495) 935-8906
E-mail: info@carnegie.ru
<http://www.carnegie.ru>